Парижский наблюдательный пункт

Сражения за государственные расходы

Мы публикуем статью наших французских товарищей из газеты L'Internationalist

В контексте европейской предвыборной кампании, помимо традиционных вопросов идентичности и безопасности, дебаты ведутся вокруг сроков экологического перехода и необходимости увеличения расходов на оборону континента в контексте войны на Украине. В прессе почти ежедневно появляются сообщения о том, что различные секторы экономики настаивают на принятии такого “Зелёного курса”, который способствовал бы росту и суверенитету ЕС. Похоже, что всплеск инфляции после пандемии и конфликта на Украине может дать массовую базу – электоральный резонанс – этим требованиям к пересмотру экологических целей.

Во Франции в последние недели в центре дискуссии были, в частности, бюджетные трудности правительства и, соответственно, его способность гарантировать увеличение инвестиций в энергетический переход и в вооружённые силы.

Ухудшение финансовой ситуации

Исполнительная власть вынуждена была официально заявить, что дефицит бюджета в 2023 году будет выше, чем ожидалось. Он достигнет 5,5 % ВВП, тогда как ранее прогнозировался в размере 4,9 %. Рост оказался слабее ожидаемого, поэтому и налоговые поступления оказались ниже. Открывается политическая борьба за масштаб мер по экономии. Правительство заверило, что не будет повышать налоги и сохранит цель по снижению дефицита ниже 3 % в 2027 году.

В редакционной статье деловая газета *Les Echos* пишет, что у исполнительной власти есть два варианта: *«Либо правительство не соблюдает бюджетные обязательства, как и многие другие до него, либо оно их соблюдает»*. Но в последнем случае *«оно рискует убить рост»*. Автор статьи Жан-Марк Виттори предсказывает: *«чтобы избежать этого худшего сценария, Франция будет уклоняться, обещать сделать то, чего не сделает, и позволит своему дефициту расти»*.

Выступая на этих дебатах, глава Банка Франции Франсуа Виллеруа де Гальо предупреждает правительство о необходимости контролировать государственные расходы. Но *«речь не идёт об объявлении жёсткой экономии и общем сокращении государственных расходов: цель должна состоять в том, чтобы окончательно стабилизировать их объём»*. Этот сановник европейской буржуазии поддерживает представленный Энрико Леттой план создания *«союза сбережений и инвестиций»*. Тем не менее, он предупреждает французскую исполнительную власть, что, даже если европейские бюджетные возможности вполне здоровы, *«мы должны отказаться от этой старой, очень французской манеры перекладывать наши бюджетные проблемы на Европу»*. Таким образом, *«когда придётся переходить к необходимым мерам дисциплины, у нас будет больше авторитета при обсуждении вопросов восстановления Германии и европейских инвестиций»*. Так или иначе, это *«не может быть предварительным условием для нашего восстановления»*.

Европейская дилемма

По мнению *Le Figaro*, перед лицом растущих процентных ставок европейцы должны решить дилемму: *«Перевооружаться или сохранить социальное государство»*. *«Без финансирования со стороны ЕС для одних бремя будет тяжелее, чем для других»*. Газета сообщает, что если в 2014 году только три страны достигли показателя в 2 % ВВП на оборону, а в прошлом году – 11, то в 2024 году его должны достичь все *«23 страны-члена как ЕС, так и НАТО»*. Это означает *«350 миллиардов евро ассигнований, что почти в два раза больше, чем три года назад»*.

По данным Евростата, ЕС-27 *«в 2023 году потратили 280 млрд евро на оборону, тогда как двумя годами ранее – 184 млрд»*. Низкий уровень задолженности северных стран и Германии может позволить им наверстать упущенное в военных инвестициях. Другие семь государств, включая Францию, уже тратят больше на выплату процентов по государственному долгу, чем на оборону.

Нам кажется, что эти дебаты на протяжении многих десятилетий были сквозной темой французской политической истории, вращаясь вокруг вопросов о сохранении своего “статуса” и о кошмаре падения. Как исправить бюджетную и экономическую слабость Франции по отношению к её основным конкурентам и партнёрам – постоянная тема её политического дискурса. *Французский вопрос*, похоже, стал зеркальным отражением *немецкого вопроса*. В процессе строительства Европы Париж боится остаться на обочине, в то время как Германии приходится справляться со своим статусом доминирующей державы континентального империализма.

Французский вопрос

Этот вопрос, глубоко характеризующий французскую политическую культуру, имеет давние корни. До XIX века значительный демографический вес и политическая централизация давали Франции поводы к мечтам о континентальной гегемонии, но британская промышленная революция, а затем объединение Германии свели на нет наполеоновскую концепцию *«Великой нации»* – в конечном итоге её стали упоминать только иронически, высмеивая французское самомнение.

Перед лицом экономической и демографической динамики других европейских стран, а затем и с восхождением Соединённых Штатов, Франция была обречена на постоянные попытки устранить собственную экономическую отсталость, чтобы сохранить статус державы. Сегодня это положение заставляет французскую буржуазию вступить в союз с Германией и укреплять европейский империализм в условиях кризиса порядка и восхождения Азии.

Однако следует отметить, что тема упадка Франции часто преувеличивается как в “политической” полемике, так и для того, чтобы подтолкнуть программу реформ, направленную на повышение конкурентоспособности.

В статье “Частичная реструктуризация в долг по немецкому образцу” (“Пролетарский интернационализм” № 94, июнь 2022 г.) мы отмечали неоднозначную динамику. С одной стороны, в последние десятилетия Франция была одной из европейских стран, в которой доля промышленного сектора в ВВП упала сильнее всего. Торговый баланс находится в минусе. Однако, с другой стороны, мы отмечали, что Франция является европейской страной с наибольшим количеством дочерних компаний в мире. Таким образом, финансовая мощь крупных групп способствует в значительной степени сокращению дефицита счёта текущих операций благодаря доходам, получаемым от этих инвестиций за рубежом. Этот аспект редко упоминается в дебатах о французской силе.

Региональная динамика

К этому можно добавить несколько фактов о динамике региональной экономики, которая также неоднозначна. Европейский взгляд отражён в последней публикации Индекса региональной конкурентоспособности (RCI) 2023, где отмечается, что *«столичные регионы часто являются наиболее конкурентоспособными на национальном уровне, за некоторыми исключениями (Германия, Италия и Нидерланды)»*. *«Разрыв между столичным регионом и другими регионами страны может быть, однако, значительным»*, и это характерно *«особенно для Франции»*. С этой точки зрения следует отметить, что Парижский регион важен не только в национальном масштабе, но и является одним из важнейших экономических полюсов европейского империализма в целом: *«Индекс показывает, что провинции Утрехт и Южная Голландия, а также Иль-де-Франс являются наиболее конкурентоспособными в ЕС»*.

Документ “Франция в двенадцати портретах”, опубликованный в 2021 году Национальным агентством по территориальной сплочённости (ANCT), содержит статистические данные на национальном уровне. С точки зрения демографии, *«зонами роста являются регион Иль-де-Франс»*, *«прибрежные районы Атлантического океана (от Бретани до Новой Аквитании)»*, а также *«юго-восточный сектор и приграничные с Швейцарией и Германией районы»*.

В таких мегаполисах, как Нант, Бордо, Монпелье, Тулуза, Ренн и Страсбург *«увеличились темпы роста населения»*, но это также относится к городам Брест и Сент-Этьен. *«Рост численности населения также подтверждается в пригородах этих городов»*.

Районы, переживающие спад, *«ранее сосредоточенные в Центральном массиве и регионе Шампань»*, распространились по диагонали, которая идёт *«от Арденн до Лота, а также на западе (центральная Бретань, Нижняя Нормандия), а также в некоторых горных районах Альп и Пиренеев»*.

Производство и доходы

Что касается динамики производства, то в документе подчёркивается контраст между Севером и Югом. В северной половине страны значительная часть занятых работает на *«крупных предприятиях»* с числом работников от ста человек. *«В основном в зонах занятости к северу от линии Нант-Безансьон доля работников, занятых на крупных предприятиях, составляет более 30 %, вплоть до 36 % на самом севере страны»*. На Юге, напротив, *«этот показатель составляет менее 30 % во всех зонах занятости за исключением крупных городов – Бордо, Тулузы, Монпелье, Марселя, Клермон-Феррана и Лиона. Этот контраст частично объясняется тем, что промышленные предприятия, как правило, крупнее, чем предприятия в сфере торговли и услуг, и что их больше на севере, чем на юге»*. Другими словами, это означает, что мелкая буржуазия имеет больший социальный вес в южной половине страны.

Анализируя распределение доходов, АНСТ утверждает, что *«у французов один из самых высоких медианных располагаемых доходов»* в ЕС, *«близкий к показателям скандинавских стран, Германии, Бельгии и Нидерландов»*. В определённой степени это корректирует некоторые тезисы об *«упадке»* страны.

Особенностью Франции является то, что неравенство между регионами относительно невысоко по сравнению с другими членами ЕС. Такая сравнительная однородность, по сути, является результатом центральной роли государственной власти в присвоении и перераспределении части богатства (субсидии, государственная занятость, пенсии и т. д.).

После нескольких лет высокого дефицита государственного бюджета правительство столкнулось с необходимостью сократить расходы и одновременно гарантировать новые инвестиции, которые должны быть масштабными. Государственные бюджеты, а значит, и *широкая коалиция статус-кво* в обществе, окажутся под угрозой. Тем более, что предыдущая фаза расширения расходов не смогла взять под контроль голоса совранистов.

Апрель 2024 г.